

ИЮНЬ

2 июня 1900 г.

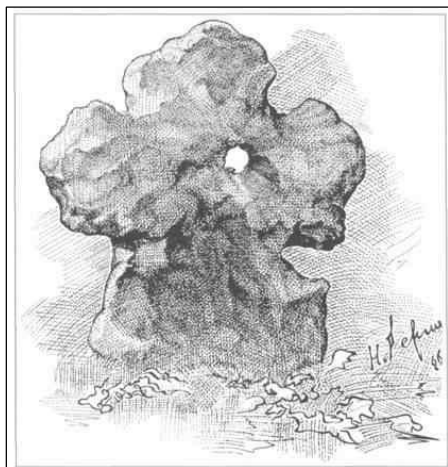

Рис. Н.К. Рериха. Каменный крест новгородского типа. Санкт-Петербургская губерния. Архив ИИМК.

Хроника

С.-Петербургский Археологический институт при участии всех своих членов и слушателей работает над составлением археологической карты С.-Петербургской губернии. Это предприятие потребует много сложного и кропотливого труда. Институт обратился к некоторым археологам, учреждениям и частным лицам с особым циркуляром, прося сообщить сведения о местных древностях. Весь обширный материал, собранный для составления карты, будет распределён на пять главнейших групп; первая - составит полное и подробное описание курганов, вторая - могил, третья - городищ, четвёртая - случайных находок предметов древности (монеты, каменные орудия, бронзовые и железные предметы), пятая - преданий и сказаний о различных местностях и урочищах. Работами руководит И. К. Рерих.

Северный курьер. 1900. 2/15 июня. № 208.

[2 Июня 1900 г, СПб.]

Письмо Н. Рериха к Е.И. Шапошниковой

Милая, дорогая, хорошая – вчера вечером наконец получил Твоё письмо, которое (к стыду сознаюсь) перечитал 5 раз и ношу при себе – этакая непротерительная сентиментальность. Вчера иду по коридору Академии - встречается сторож: «а вам письмо в Канцелярии» – говорит мне. Я направился в Канцелярию чуть ли не бегом – к великому удивлению сторожей.

Пришёл Зарубин – писать нельзя. Приеду в Понедельник 5-го или во Вторник утром. Не встречай.

Твой Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/178. 1 л.

2 Июня 1900 г. СПб.

Письмо Н. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Так Зарубин и не дал дописать сегодняшнего письма. По разным соображениям должен отложить выезд на 1 день, т. е. выеду во вторник с вечерним 10-час. поездом и буду к 9 час. в Бологове.

Я только теперь отдаю себе отчёт, насколько Ты мне дорога, моя хорошая. Не получая Твоего письма, я не находил себе места не мог работать и чувствовал себя прямо несчастным. Теперь скоро увидимся.

Сегодня мне предложено редакторство русского отдела журнала, а иностранным будет заведовать Бенуа (мой враг). Такое соседство настолько меня поразило, что ничего не мог ответить и дал себе время обдумать, столь неестественное предложение. Братся не хочется, а отказаться и тем предоставить поле сражения Бенуа - тоже неважно. Просто и не придумаю что сделать.

Ну, до свиданья, моя милая, хорошая, дорогая, родная.

Целую Тебя крепко.

Весь Твой

Н.Р.

2 Июня 1900 г.

Сегодня мы были с Зарубиным у Куинджи. Тот говорил такие вещи, что я чуть не плакал. Но об этом в письме не упишешь, надо на словах.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/155, 2 л.

9 июня 1900.

Анатолий Половцов

**ВОКРУГ И ОКОЛО РАСКОПОК
ВЕСЕННИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАРТИНКИ**

І. Сборы

Заканчивая «Записки охотника», Тургенев говорит: «Однако, пора кончить. Кстати заговорил я о весне, весной легко расставаться, весной и счастливых тянет вдаль»... Ещё бы! И как тянет-то! А пока нельзя улететь далеко, то хоть за город бы вырваться, в зелень, ins Grüne [за город (нем.) – ред.], как говорят немцы. С этою целью всякие экскурсии хороши. Но лучше всего, пожалуй, охота и археология. Обе почтенные страсти эти увлекают человека настолько в сторону от больших центров, что он сразу оказывается лицом к лицу с природой в самой глухой зелёной глуши.

Я не охотник и не знаю, мудрено ли отыскивать подходящие случаи, чтобы предаваться этому благородному спорту. Что же касается археологии, то я по опыту знаю, что отыскивать места для раскопок дело мудрёное, требующее огромной затраты времени и труда. Поэтому я обрадовался появлению Н. К. Рериха не менее, чем Ной возвращению голубя с зелёной веткой. Появление весной молодого талантливого живописца, автора исторических картин «Сбираются старцы», «Поход» и других, символизирует близость археологической

экскурсии, которую он и в прошлом году организовал для слушателей и членов Археологического института. И в нынешнем году он сделал много десятков вёрст по окрестностям Петербурга, отыскивая курганы, которые можно бы и стоило бы раскопать.

- Вот иные говорят, что поблизости ничего нет, ничего не осталось! Вздор! Стоит поискать. В 20 верстах в сторону от Петергофа нашлось много курганов, близ Гостилиц, — сообщил мне с удовольствием Н. К. Рерих.

II. И сторонка же!

В первый же тёплый день мы двинулись. Петергоф скрылся из виду. Шоссе оставляет желать многого, и в тележке трясёт порядочно, но как приятен этот массаж после долгой сидячей жизни! <...>

III. Материнская любовь

Славно спится на полу, на сене, в горнице, что почище, на постоялом дворе, после усиленных вечерних пешеходных рекогносцировок по части курганов.

Чуть свет — мы уже на ногах и катим в телегах к месту раскопок. Кругом кустарник, мелкая ольха и березняк, а всё-таки как хорошо!

О, солнца свет!

О, свежий дух берёзы!

Вот и курганы. Небольшие насыпные холмики, аршина в два и в три вышиной, несколько сажен по окружности. Некоторые обложены камнями, булыжником, почти все поросли кустарником.

Берёмся за первый попавшийся курганчик, потому что всё равно с которого начать. Обмерили его кругом по основанию ленточкой, рулеткой. Начинаем копать в самой середине наверху. Идёт оживлённый говор.

Проходит минут десять, если не больше. "Один мужик-работник сходит вниз за чем-то. Вдруг раздаётся сильный шум из-под ног рабочего у самой подошвы курганчика. Мы все поворачиваем головы. Большая птица с шумом взвивается и несётся через кусты. Из её клюва падает что-то белое.

- Тетёрка!

- Откуда же это она?

- Ишь ты! Я наступил ей на хвост, — пояснил мужик.

Мы кинулись к месту, откуда она поднялась. Там было гнездо с десятью яичками.

- Как мы это её не видали?

- Да ведь мы по ней проводили рулеткой, когда обмеряли курган, а она не шелохнулась! Вот что удивительно.

- Вот так материнская любовь!

- А видели вы, как она унесла одно яичко, но уронила?

- Теперь она перетаскает все яйца, только бы их раньше никто не тронул. Слышишь, мальчик? Не смей трогать гнёздышко и яйца.

IV. Гостилицкая мыза

Весь день был посвящён раскопкам курганчиков и подготовке их для приезда нескольких десятков экскурсантов, которые должны были приехать к полудню следующего дня. Утро, следовательно, свободно.

- Надо воспользоваться этим временем, чтобы осмотреть парк и дом. <...>

VIII. Результаты раскопок

Среди курганчиков, в молодой зелени ольх и берёзок, расположился целый табор. Несколько телег, дрожжек и пролёток распряжены; лошади пасутся. Около огромного самовара уютятся жаждущие чая. Какая смесь одежд и лиц! Тут и старики, и юноши, даже десятилетний мальчик, археологический хлопец, военные всевозможных родов оружия и штатские самых разнообразных профессий, одетые в чём попало. Кто отдыхает и закусывает, кто растяннулся на кургане и ведёт оживлённую беседу с товарищами. Отдельные группы усердно раскапывают в разных местах курганчики. Издалека доносятся раскаты пушечной пальбы (из-под Красного Села), и воображение превращает археологический табор в лагерь буров.

- Кажется, нет другого высшего учебного заведения, в котором сохранилась бы такая живая связь между бывшими и настоящими слушателями, как в Археологическом институте, — замечает кто-то.

- Совершенно верно! И посмотрите, бывшие слушатели, превратившись уже давно в действительных членов института, уже убелённые сединами, продолжают с таким же рвением принимать участие в археологических экскурсиях института, как и двадцать лет назад!..

Люди более или менее чуждые археологии, слыша о раскопках, прежде всего задают вопрос: «Много ли нашли?» — точно раскопки производились хищниками для отыскания кладов. На самом деле при раскопках, в особенности при таких учебно-образовательных раскопках, какие устраиваются Археологическим институтом, важно не столько то, что найдено, сколько то, как предметы найдены. Тут интересно всё: обложен ли курган камнями, в сидячем или лежащем положении найден костяк, где находится заржавленный нож или молоток в мужской могиле или позеленелые браслеты и перстни в женской и т. д. А важно и интересно это всё потому, что даёт молодым археологам некоторую практику, и, кроме того, благодаря всем этим подробностям, восстанавливаются, хотя бы и частично, быт и в особенности погребальные обряды наших отдалённейших предков славян, живших в XI и XII веках в области будущей Ингерманландии.

Из всех этих данных группа археологов с Н. К. Рерихом во главе предполагает составить археологическую карту Петербургской губернии. Благое дело, и дай им Бог успеха.

Но какое счастье для участников, что эта нелёгкая работа в большей своей части производится не в душной комнате, а среди природы, в той чудной рамке, которую так поэтически выразил граф Алексей Толстой:

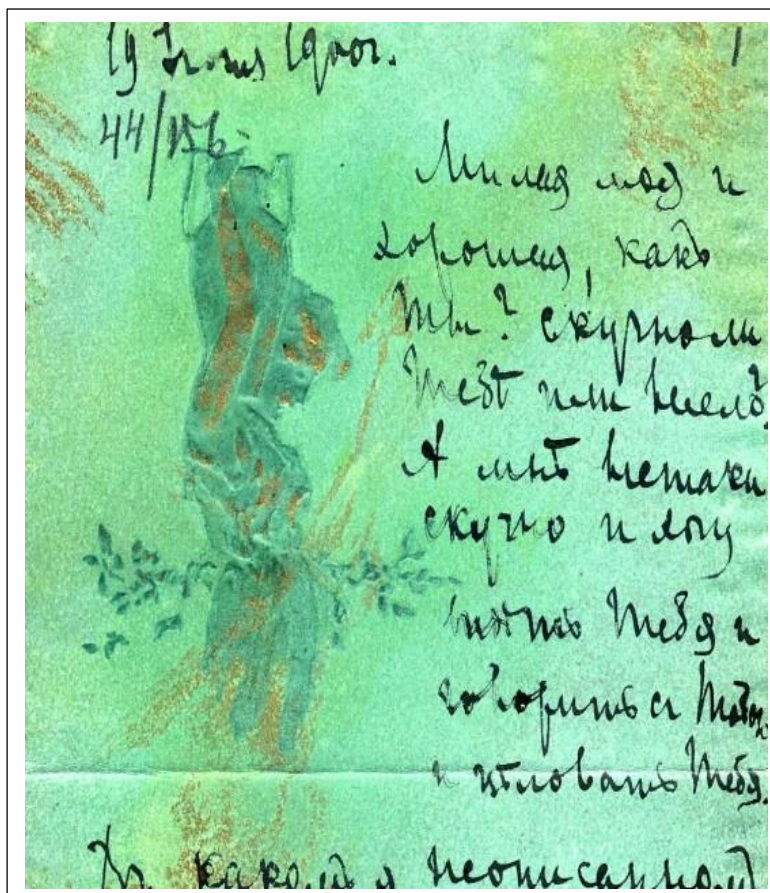
Юный лес, в зелёный дым одетый,
Тёплых гроз нетерпеливо ждёт,
Всё весны дыханием согрето,
Всё кругом цветёт, и любит, и поёт...

Московские ведомости. 1900. 9/22 июня. № 157. Пятница. С. 3.

Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике. выпуск I. СПб. 2004.

19 Июня 1900 г. СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Фрагмент письма

19 Июня 1900 г.

Милая моя и хорошая, как Ты? Скучно ли Тебе или весело?

А мне всё-таки скучно и хочу видеть Тебя и говорить с Тобой и целовать Тебя. В каком я неопisanном от Тебя восторге и как горжусь Тобой!! Сейчас я написал и князю, и, кажется «очень», - какое на него произведёт впечатление? Вообще, как у Вас там всё? Не очень меня ругают? А Ты-то вспоминала? Скучала? Могу Тебе сообщить недурные новости, - в Воскресенье (без меня) приехал дядя, который считает необходимым устроить отца. За моё отсутствие мама, оказывается, благодушно вспоминала о моей скорой женитьбе и ставила её в зависимость с получением места; так что теперь ключ в Свиньине. С дядей я ещё не говорил, но он, конечно, - мой. А всё-таки у нас худо; отец злится и пристаёт; на улице дождь; в мастерскую ещё не попал и раньше завтра не доведётся быть.

Посылаю Тебе фельетон Половцова о нашей раскопке (см. выше - ред.) и мою карточку, снятую для картины - для складок корезна. Фельетона не выбрасывай. Если у князя есть мои прошлогодние фельетоны - прочитай второй. Нашёл у себя целую охапку писем (от Зарубина, Желтоножкина, Половцова и др.) на всех их надо ответить - это скучно. Опять же вспоминаю Екат[ерину] Вас[ильевну], вспоминаю, какая она милая и надеюсь и всегда быть с нею в хороших отношениях. Думаю, и мною она будет довольна. И все, право, хорошие и добрые.

Как скоро прошли 2 недели и как приблизили они Тебя ко мне, так что отсутствие Твоё теперь ещё страшнее. В вагоне ещё немного попла... (совестно написать).

Пиши. Целую Тебя. Твой Н. Р.

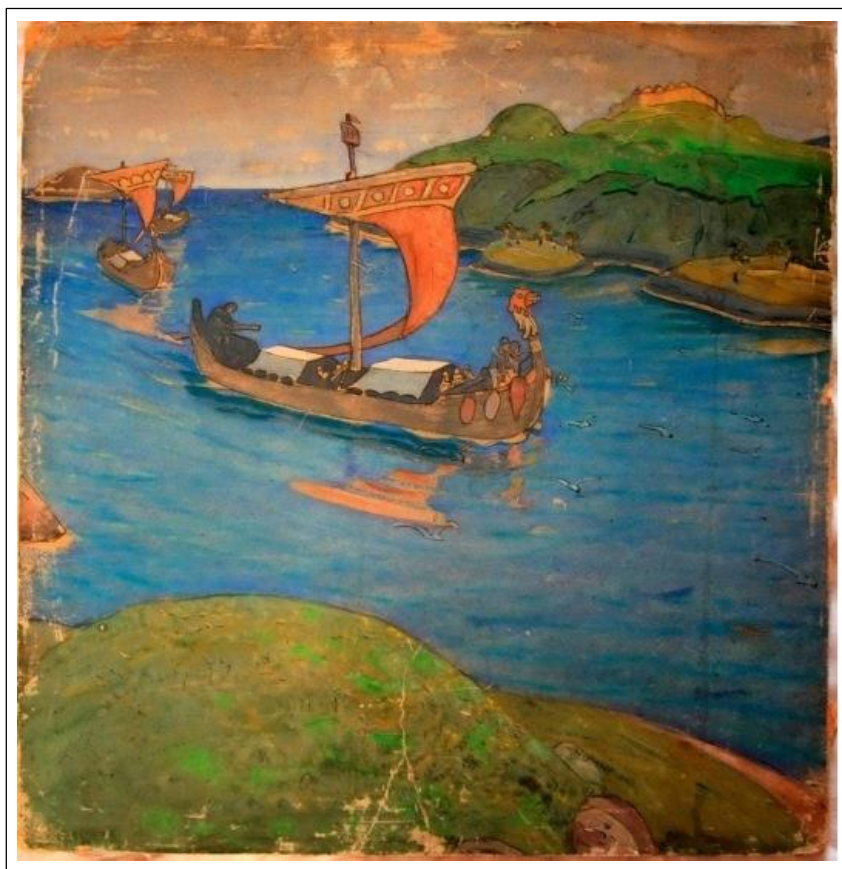
Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/156. 2 л.

19 июня 1900 г.

Письмо Н.К. Рериха к Половцову А.В.

«Только что возвратился я из поездки по Валдайскому уезду... На Валдае насмотрелся я интересных пейзажей и ещё раз вспоминал, как мало ещё ценят у нас своё, пренебрегая этими чудными озерами, обросшими лесом, этими спокойными и величавыми холмами и таинственными балками. Сколько в них песни, сколько в них задушевности! Заварю я теперь несколько вещей, которые Вы, надеюсь, осенью не откажете посмотреть в моей мастерской в Академии».

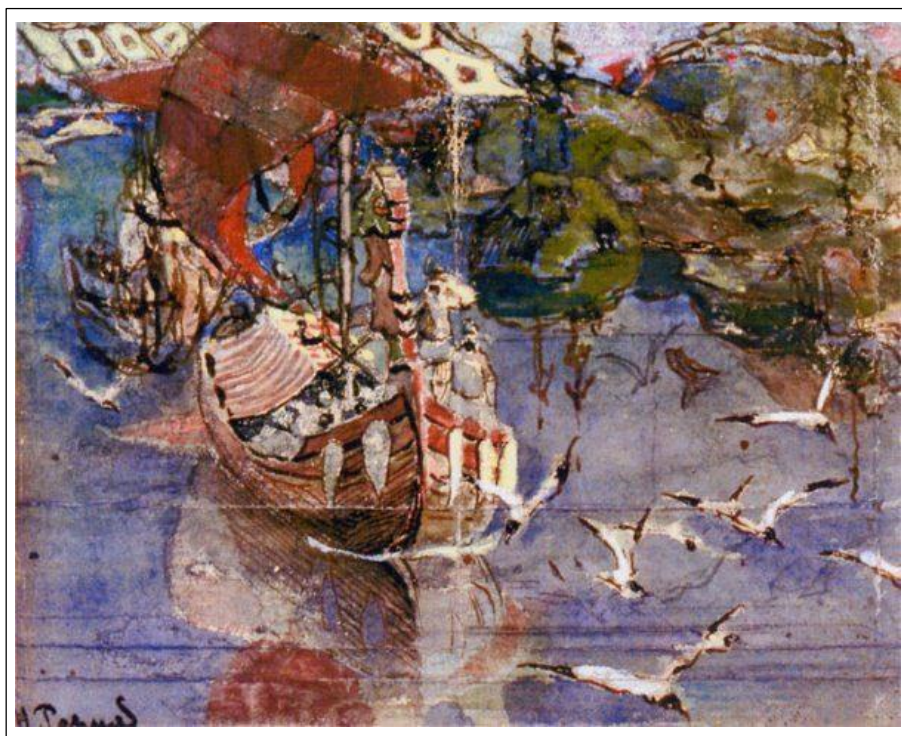
Публикуется по изданию: Л. Короткина «Рерих в Петербурге и Петрограде». Л. 1985.

Н.К. Рерих. Заморские гости. Этюд. 1900.

Н.К. Рерих. Заморские гости. 1900. Эскиз.

Н.К. Рерих. Заморские гости. 1900. Эскиз.

20 Июня [1900 г.] СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

СПб. 20 Июня

Хорошая моя Ладушка,

завтра надеюсь получить от Тебя письмо, а пока ещё пишу Тебе, хотя, собственно говоря, писать не о чем, но мне просто хочется поговорить с Тобой. Сегодня в 10 ½ ч. был в мастерской и вспоминал тебя – помнишь уговор наш? В 1 ½ я был у Беклемишева (они только через 2 дня уезжают). Екат[ерина] Ив[ановна] была очень довольна моим видом и спрашивала, когда наша свадьба. Я сказал, что свадьба не скоро, но что обстоятельства хороши и не удержался, говорил о Тебе; хорошо или худо, угадай сама! Екат. Ив. хотела бы Тебя лепить – целую фигурку; я думаю, она сделает не очень худо.

Екатерина Ивановна передала мне, что С. С. Боткин (у него большая коллекция рисунков) очень хотел бы приобрести какой-либо мой рисунок и просил её устроить это. Она советовала мне непременно доставить ей рисунок, но не продавать его, а подарить; везде-то иезуитство! Я понимаю, зачем она это советовала, - ибо жена Боткина, один из членов Комиссии по приобретению в Третьяковскую Галерею (она урождённая Третьякова). Придётся исполнить совет Екатерины Ивановны. Исполнять или нет? Что скажешь?

Сегодня опять писал «Поход» – переделывал небо, а завтра принимаюсь за метальщиков.

Дядя сегодня немного говорил со мной о нашем деле. Он говорит, что мама ничего не может иметь против, и если она и отнеслась так странно, то только в силу болезни отца. Сегодня мама спрашивала меня, не видал ли я Свинына и не слышал ли чего от него нового; видно, её это сильно интересует. «Нет, что ж это такое» - ведь всё выходит недурно. Как же Ты-то там?

Нельзя ли переслать поцелуя в письме? Завтра посылаю духи и бумагу.

Как сегодня Г или Ч? Если Ч, то... понимаешь?

Екатерина Васильевна продолжает ли быть такой же хорошей?

Если продолжает, то поцелуй её от меня. Воображаю, как князь ходит грачом. Анекдоты без меня процветают?

Пиши, дорогая моя, и мысленно целуй меня. Мне без Тебя очень-преочень скучно.

Всем поклон.

Твой совсем Н. Р.

Боримир Рерих

СПб.

В Обществе в музей принесли новые витрины, придётся их устанавливать завтра и на днях.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/180, 2 л.

21 [Июня, 1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Вторник 21-го вечер

Всё-таки не получил Твоего письма, моя дорогая. Те ли духи?

Мне на зелёной бумаге не пиши, ибо она слишком мала, а я предпочитаю читать Твоё письмо хоть на обёрточной бумаге, но возможно большего размера.

Сегодня могу сообщить Тебе добрую новость. Был я у Куинджи. Он благодарил меня за письмо, о котором я Тебе говорил. Я воспользовался его благодушным настроением и рассказал ему нашу новость. К моему изумлению, он отнёсся донельзя благодушно. Он много расспрашивал о Тебе, и, по мере сообщения мною всяких подробностей: о Тебе, Твоих стремлениях, Твоих родных, Твоих душевных качеств и пр.; его лицо всё прояснялось, а когда я рассказал ему, что обещал Тебе рисовать не менее 5 часов в день, то он прервал меня: «а ведь, знаете, это и совсем хорошо! Только, чур, надо исполнять обещания». Очень хвалил Твоё желание окончить школу и держать при Консерватории; очень интересовался, хорошо ли Ты играешь и любишь ли искусство. В результате сказал, что он спокоен за меня и просил работать.

Я рассказал ему про Мясоедова, он страшно возмутился, говорит: «как это его ещё принимают в порядочных домах, это такой небывалый сплетник и притом скверный и вредный».

Сегодня я работал только 4 часа, ибо пришёл дядя и задержал меня от работы. Мои картины ему не понравились: «небрежно и невыделанно». Сколько я ему ни твердил о необходимом расстоянии и впечатлении, всё-таки ничего не помогло.

Завтра у меня в мастерской будет Беклемишева (я у них вчера обедал). Там же был директор Школы Штиглица Котов. Екат[ерина] Ив[ановна] распиналась перед ним на тему, как меня не оценили ещё, как мной надо дорожить, и пр. Вот-то адвокат мой! Да ещё какой добросовестный адвокат и доброжелательный! Завтра их провожаю! Господи, как мне хочется целовать Тебя и как я привык к Тебе, моя милая, хорошая, дорогая. Бог даст, Ты не пожалеешь, что полюбила меня. Пиши, голубчик, как Ты себя чувствуешь и что думаешь.

Целую Твои руки, ладони - такие тёплые и славные. Дорогая моя, хорошая, хорошая, хорошая. Какое письмо бездушное, как ни пиши, а всё выходит холодно.

Всем поклон. Надеюсь, мысленно поцелуешь меня.

Твой весь

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/197, 2 л.

[22-23 Июня 1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Четверг вечер;
наши пьют чай.

Сегодня я получил письмо Твоё; - какое оно славное, какое оно хорошее. Дорогая моя Ладушка, да ведь это великое счастье, если сами мы будем являться ближайшим источником наших вдохновений, сильнейшим импульсом для наших работ! Как я был доволен и рад читать о Твоём подъёме духовном, пусть он даже краток, но раз он есть – дело сделано, и остальное доделает время и обстоятельства жизни, выстроить которые - наше дело, а с Тобою мы их выстроим! Да, выстроим?

Итак, вперёд, хорошая моя, вперёд без оглядки! (Как писал Крамской).

Как Тебе показалось отношение Куинджи? Ведь, право, не худо, очевидно он проникся моим настроением и понял, что Ты – недюжинная натура. Экая Ты у меня славная! Сейчас, т.е. 10 час. 15 м. в. (в Четверг,) мне страшно захотелось целовать Тебя, – не думала ли Ты обо мне? – Напиши.

Сегодня я рисовал с натуры старика и старуху – вышло не худо. Был в Обществе, узнал, что Собко окончательно отказался от секретарства; если бы поагитировать, то место было бы моё, но тогда искусству гибель.

Видал Селиванова; он показывал привезённые с Афона вещи. За одно Евангелие, купленное им за 30 руб., здесь ему дают уже 900 р.

Половцов, конечно, очень неважно написал, ну да он лучше-то и не в состоянии. Хорош отдел «Материнская любовь»!!

Сейчас надо написать отказ от редактора, я ещё не написал.

Да, вот ещё история! – Психиатр, который пользовал отца и которому ближе всего поместить его в больницу, уехал в отпуск и вернётся в 1-х числа Июля, т[ак] что боюсь, когда именно будет происходить помещение, но приеду во всяком случае - Ты в этом, думаю, не сомневаешься.

«Нет, что ж это такое?», что Екат[ерина] Вас[ильевна] стала такая хорошая; я в ней так уверен теперь, что вспоминаю уже как о родной. Она добрая, а когда впоследствии поймёт нашу программу, то и вовсе будет наша.

Действительно, надо только работать и всё придёт; вот мне работа уже дала какие результаты - ведь если бы я не работал, то Ты не обратила бы на меня вниманья. Работай Ладушка, работай хорошая; то-то будет нам праздник, когда мы создадим своё положение, выполним свои надежды только благодаря нашей работе. Вот-то славное время будет. Теперь я часто повторяю «нет, что ж это такое» и подражаю Твоему тону, а все не знают к чему это относится.

О чём Ты писала в Твоей книжечке? – напиши темы записей.

Ты, верно, не скучала без меня – ни слова об этом не пишешь; вот какая! Я так не стыжусь писать, что скучаю, что целую воздух, а Тебе верно не очень скучно.

Пятница, день.

Вернулся из мастерской.

Сегодня наши домашние дела неважны. Отец утром чуть не выкинул дядю и сам собирается уехать. Велел достать чемодан и все сапоги свои. Не знаю, чем это положение разрешится к вечеру. Дядя и мамаша уехали к знакомым в Ораниенбаум, чтобы не показываться отцу на глаза.

Мир Искусства получил от казны 15000 р. субсидии, нет, что же это такое?

Видал Свиньина; он в хорошем настроении, ибо Георгий Михайлович после женитьбы встретил его ещё лучше, нежели раньше, а кроме того, Государь недавно (как передал ему П. Жуковский) весь обед всё говорил про него. Меня он встретил очень тепло. Сторонний без меня был нездоров - завтра у меня будет.

Хорошая моя, ведь свинство, что на 4 моих письма, Ты написала всего 1. Пиши, о чём Ты думаешь, вместо книжки пиши ко мне в письмах.

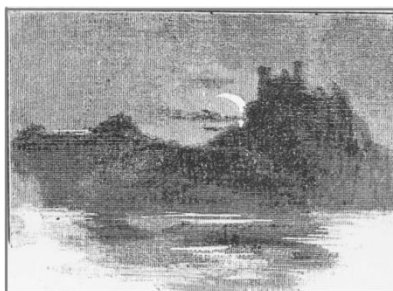
Всем поклон. Екатерину Васильевну поцелуй, князя тоже.

Милая, дорогая, хорошая.

Твой весь Н. Р.

Как вопрос с Кавказом. Не могу поверить, чтобы никто надо мной не смеялся в моё отсутствие.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/181, 3 л.

24 июня[1900 г. СПб.]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

24 Июня, Суббота
4 часа. Вернулся из мастерской

Хорошая моя Ладушка, какие есть скверные люди. Сегодня в Обществе помощ. секретаря рассказывал мне, что на днях Собко с Чистяковым ругали меня во всеуслышание до самозабвения. Вышло это из того, что Лазаревский осмелился заявить, что я хороший художник, – ну и пошло! Я-де, недоучка; я-де, бездарный; я-де, ничего не стою и проч. и проч. И это при всех, так что кто-то даже вставил, что если я и в самом деле никуда не пригоден, так что же обо мне говорят с такою злобою; бездарный, мол, человек и сам пропадёт.

Сознаю, что на такие речи не стоит обращать внимания, что ругают и ругали всех, кто хоть сколько-ниб. высунется, но всё же слышать такую огульную ругань больно, ох как больно, моя дорогая и хорошая.

Ведь это ругают не глупые люди, а такие как Чистяков. Неужели они за-
ключают меня, так же как заклевали мою картину¹ в Париже, которую, как я
опять слышу, даже повесили невозможно.

Но с другой стороны, чувствую что людей много, что земля широка и
всякая работа не пропадёт.

Ведь так, Ладушка? Напиши об этом своё мнение.

Отчего это мои товарищи, которые сделали куда меньше меня, считают-
ся и выучившимися и всякими, а я – ничего.

Впрочем, за то о них и говорят меньше. Пусть я неуч, но если при всём не-
ученьи со мною считаются, то значит признают за мною силу немалую. Те-
перь, по крайней мере, я научился не показывать виду, что мне такие разгово-
ры неприятны; я отвечаю всегда: «Однако и любят же меня старички, здорово
любят!»

Сегодня написал именье Лейхтенбергского – вышло прилично. Вставлю в
раму и подарю ему, а в Августе, когда приеду к нему, он, может быть, будет ко
мне внимательнее – надо сделать его своим. Надо всеми силами вербовать
партию, иначе съедят. Лучшее золото лежит глубже другого, хорошего трудно
достичь. Тем лучше; если доведётся достичь власти и всего, то снисходитель-
нее будешь и лучше поймёшь настоящих людей.

Не падать духом, моя дорогая! Вот поговорил с Тобой, и полегче стало, а
то просто хоть плачь, так тяжело стало на сердце. Как у Тебя, всё ли хорошо?
Всё то же ли настроение? Как работа? Во вторник приедет психиатр и начнёт-
ся у нас трудное время. Целую Тебя крепко и всем кланяюсь и целую. Но, ко-
нечно, не всех, а князя и Екат. Вас. (или она, быть м[ожет], обидится, – тогда не
говори ей). Пиши.

Твой весь

Н.

Писал тебе вчера, а уже кажется, что не промолвился целую неделю.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/182. 2 л.

Воскресенье. 12 час. веч. [25 Июня. 1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Забыла меня моя Ладушка!

Ведь только подумать: уже вечер Воскресенья, а от неё ни строчки!

Уж не разлюбила ли? Или наехали интересные гости, и она забыла о
скучном художнике? Нет, что же это такое? Думаю, в контрибуцию надо при-
нудить её написать сугубо длинное письмо страниц на 8 – в наказание.

Хорошая моя, как это понимать Твоё молчанье?

Сегодня у меня был хороший день – всё слышал похвалы всяких калиб-
ров и цветов, а Свиньин, так тот сообщил мне весть вовсе недурную.

Вчера был у него Тевяшев и говорил, что уход Бенуа из Музея это только
вопрос времени, и притом ближайшего. Затем спрашивал, что т.к. надо кого-
ниб. иметь на примете на это место, то можно ли наверно считать меня. Сви-
ньин поддакнул и рассказал, как хорошо я мог бы поставить дело Музея. Это

¹ Картина Н.К. Рериха «Сходятся старцы».

недурно, ибо 3000 да ещё мастерская вовсе не худо. Сегодня мы со Свиным обедали в Малоярославце и просидели до 10 час.

Беклемишева опять много о Тебе расспрашивала.

Теперь надвигаются тяжёлые дни помещения отца. Не знаю, как это будет, но без насилия не обойдётся – я уйду из дома, не могу вынести.

Думаю, что завтра найду Твоё письмо, иначе буду сердиться и думать, что с Тобой Бог знает что. Всем поклон.

Хочется целовать Тебя безмерно. Сегодня наверно Ч.

Весь Твой Н. Р.

Воскресенье. 12 час. веч.

Все ложатся спать.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/196, 2 л.

Н.К. Рерих. Священный очаг. Рисунок. 1900.

«Завтра буду рисовать натурщицу для Священного очага, но хотя и следовало бы посадить для фигуры, но памятую обещание данное Тебе и порисую в костюме».

26-27 [Июня 1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

26-е

Дорогая Ладушка, спасибо за письмо, но не вижу из письма Твоего настроения, хотя предполагаю что всё, вероятно, благополучно. Пиши более пространные письма, - не только факты, но и думы.

Сейчас дядя сконфузил меня: мы спим теперь в одной комнате, и вдруг сегодня он говорит мне: «А знаешь, ты каждую ночь бредишь. Говоришь что-то «голубушка моя или голубчик – уж не понять больше, очень неясно бормочешь». Вот-то ещё казус, если я начну рассказывать.

Сегодня писал Подлипье.

Воображаю картину ревности из-за Кедрова, то-то умора! Ну, а Ты как вела себя с ним - не трогала его? Слава Богу, что он уехал, а то испортил бы моё настроение. Впрочем, Ты не обижайся, я хорошо помню Твоё обещание более не мучить меня и спокоен.

До безобразия хочется говорить с Тобою, и гладить руку Твою, и целовать Тебя. Осенью, когда всё оформится, мне хочется носить кольцо, а Ты будешь носить? Познакомлю Тебя с Беклемишевыми, с Куинджи. А там Бенуа сбудут из Музея, я постараюсь понравиться в[еликому] князю, и моей Ладушке будет хорошо.

Теперь скоро буду к Вам собираться; если поместят отца числа до 30, то думаю 2-го или 3-го приеду. Телеграммы не пришлю, а вещи брошу на станции, сам же приду пешком в неурочное время и испугаю Тебя.

Понемногу надо готовиться к Музею; буду штудировать наших бывлых художников.

Когда буду в Музее, никакой чёрт ко мне [не] подкопается по искусству и все враги ещё заискивать будут, и станем мы при море ногою твёрдой.

Неужели Ты не тронута моими ежедневными письмами? Целуешь ли меня? Читаешь ли Рёскина? Его надо прочитать толком, ибо в разговоре и споре он необходим.

Сейчас дядя тянет меня в оперетку; представь такую нелепость – я присутствую при канкане, не правда, ли дико? Но идти придётся.

Завтра буду рисовать натурщицу для Священного очага, но, хотя и следовало бы посадить для фигуры, памятую обещание, данное Тебе, и порисую в костюме. Славная моя, хорошая, милая – не разлюби только меня, без Тебя я не могу. 26-го в 7 часов мысленно целую Тебя усиленно – чувствовала или нет?

27-го. / Пишу из мастерской. Сейчас перечитал вчерашнее письмо Твоё (я ведь Твои письма ношу при себе и часто перечитываю, особенно же первое после моего отъезда из Бологова) и заявляю Тебе претензию; первое Твоё письмо было на 7 ½ стран., а вчерашнее лишь на 4, да и то в два приёма. Нет, что же это такое! Ведь это несправедливо.

Почему Ты была в нервах при Кедрове – разве Ты не могла уйти к себе, а его с С[офьей] П[авловной] оставить? Неужели Екат. Вас. стала бы Тебя удерживать.

Ах, Ладушка, Ладушка уж очень люблю я Тебя. Ведь этими строчками говорила ревность, - сейчас на этом поймал себя. Напиши мне, милая, хорошенькое письмо, да не на новой, а на большой бумаге, поставь в нём несколько вопросов, а к своему приезду я их обмозгую, и мы поговорим на эти темы. Что же это будет, если во время моего приезда ещё кто-ниб. у Вас будет, ведь всё будет испорчено и нам не придётся наговориться вдоволь.

Вчера был в оперетке; глупость так и бьёт фонтаном; пошлость и сальность даже не могут прикрыться мотивом и остротой. Сидел и в самых пошлых местах представлял Тебя и мысленно отправлялся в Бологое. Что-то Ты вчера в 11 час. веч. делала? Не могу согласиться, как это дяде – человеку умному и развитому, нравится оперетка, причем, он теперь в страшных нервах и просто хочет бежать от себя.

Помещение отца, чем ближе оно становится, тем в большее приводит нас смущенье; как это произойдёт? – Страшно и думать.

Сейчас перечитал письмо своё и ужаснулся его непоследовательности - точно записки сумасшедшего, ну да разберёшься в этом ворохе спутанных мыслей. По-прежнему ли вспоминает меня Екатерина Васильевна? Я ей колбасы привезу.

Кстати, нет ли каких у Тебя поручений; если есть и не поручишь, то обидишь меня.

Может быть, мы вздумаем и дом продавать, ибо дают 100.000, но боюсь, не в силу ли это военного времени. А вдруг меня на войну возьмут. Ты будешь плакать?

Как глупо выходит, что между нашими письмами такая разница, Ты от 22-го, а Тебе от 27-го, но по последнему письму меня почему-то не нашли в Академии и со справкой прислали на дом. Не знаю, позорно это или нет, но мне слишком хочется целовать Тебя, может быть это позорно? Как полагаешь?

Сейчас сажусь переписывать Подлипые вчера сделал небо слишком синим.

Поклон всем, а Екат[ерину] Вас[ильевну] я люблю уже как родную.

Всем Твой Н. Р.

7 стран. написал, неужели это не возбudit Твоего соревнования?

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/183, 4 л.

27- 28 [Июня 1900 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

27-го вечером

Нет, что же это такое! – только во втором часу отправил Тебе письмо, а сейчас (только остался один) и опять захотелось с Тобой перемолвиться.

Причины две.

- Мне показалось, что моё дневное письмо написано в сухом тоне, а Ты можешь оказаться в нервах и за подозрения о Кедрове наложишь на меня эпитимью, хотя бы в виде малого мне писанья. На словах высказать всякие шуточные подозрения – не страшно; можно сейчас же увидеть нежелательное впечатление и ударить отбой, а в письме самое незначительное слово иногда так кольнёт, так охладит, как писавший и не подозревал; со мною так бывало нередко, а потому и за собою начинаешь следить.

2) Напиши мне, привезти ли Тебе лёгкий Златоустовский кинжал на Кавказскую поездку, я привезу один из моих (у меня один лёгкий и красивый); острое не дарят, и потому я Тебе дарить не буду, а дам на поездку – это можно. Ты ведь, кажется, просила Ек[атерину] Вас[ильевну] подарить Тебе холодное оружие.

Пусть мой кинжал защищает Тебя на Кавказе.

3) Теперь у меня настроение отчаянное, да и у всех нас такое же. Завтра будет окончательная консультация относительно отца. А если его не возьмутся поместить? – тогда нам всем остаётся погибать. А если с ним что-либо произойдёт во время помещения, – тогда вечный упрёк будет. А если ему худо бу-

дет в больнице? Всякие такие вопросы мучают всех ужасно, все ходят с головной болью. Я боюсь, что мама в решительную минуту воспротивится. Сегодня у отца явилась идея, что его хочет отравить медик, что при нём. Дядя охает и стонет: «не знаю, как и быть» Завтра вечером допишу, чем окончилась консультация.

Сегодня много рисовал с натуры. Начал этюд натурщика со шкурой на плече, потом рисовал натурщицу для Очага, но вышло неважно и позу придётся переменить – всё она какая-то деланная.

Эти дни писал ещё довольно много писем: Зарубину и прочим. Желтоножку послал строжайший выговор за его чрезмерные занятия женщинами. Ещё бы: вдруг пишет удивление о перемене вкуса своего: прежде, видите, ему нравились блондинки, а теперь брюнетки; пишет точно о курицах или о кошках. За такое отношение он получит несколько тёплых слов и добрые кнуты.

Пришёл дядя – будем спать укладываться. До завтра.

28-е 2 часа дня.

Сейчас получил Твоё письмо, - вот-то оно славное, вот-то хорошее! Спасибо за него, моя милая кокетка, - ибо разве не кокетство предполагать, что мне скучно читать Твоё письмо. Как я рад, что в письме 6 стран. - значит Тебе хотелось писать кроме узаконенных 4-х страничек. Князю скажи, что милое письмо его я получил и не писал только потому, что скоро собираюсь сам приехать.

Мне всё страшно, не задержало бы меня помещение отца, но это выяснится через несколько часов – доктора придут через $\frac{3}{4}$ часа.

Покаюсь Тебе - я прочитал Твоё письмо (после моего отъезда) сестре – она сказала, что расцеловала бы Тебя за такое хорошее письмо. Не понимаю хорошенько, почему Екатерина Васильевна не приняла моего поцелуя – рассердилась что ли? Обидно ей - или почему? Сердить её я не думал. Коли что – извиняюсь.

Ты пишешь, что мы самые обыденные люди; будем скромны и скажем, что и все люди обыкновенны: едят, пьют, болтают все языком на один манер. Но для наших успехов мы сами не должны считать себя заурядными людьми – тогда пропадёт смелость и уверенность, а без этих качеств никакого города не возьмёшь.

Может быть это нахальство, но раз мы видимся и надеемся, что наши думы хороши и полезны, то наш долг заставить большее число людей думать таким же образом и преследовать те же цели, конечно, при индивидуальных отклонениях.

В момент творчества, а творчество появляется, как известно, во всём до малейшего жеста и интонации включительно, всякий человек считает себя выше всех (это чувство вполне инстинктивно), считает всё своим и винить его за это (скверное чувство) не приходится, ибо иначе не было бы и творческого порыва, а всякий творческий порыв, конечно, даёт больше счастья людям (вызывает ли он улыбку, смех, радость, сознание добра и зла, пр.), чем любая рассчитанная методическая деятельность.

Этот же творческий момент важен не только для воспринимающих результат его, но и для самого автора, который очищается духовно, на миг сбрасывая всю пыль и грязь наложенную на человечество вековой, как её называют, блестящею, культурою нашею, так изломавшею и унизившею наше ос-

новное человеческое достоинство и превратившею людей и в какие-то чернильные банки с ярлыками. За эти-то моменты и ценится так высоко искусство! - Стали бы люди так почитать его представителей, которые со стороны экономической являются язвами государства! Но по счастью, мой обыденный человек, дух ещё царит над практикой, и до той поры и думать не смей о своей обыденности, а думай, сколько разнообразных счастливых чувствований можешь ты дать человечеству, и среди общей радости создать и свою.

Особенно порадовало меня появление в Твоём письме дум и размышлений; будем ими делиться, моя хорошая, добрая Лада. Будем постепенно отсекай друг от друга вредные побег, чтобы они не распустились. Ты хотела написать мне какое-то качество, замеченное Тобой за мною ещё в прошлом году, - напиши, милая. Ты меня выучила писать длинные письма; незаметно и ещё многому Ты меня выучила. Нет, Ты не обыденная, а высокоинтеллигентная (природно) и оригинальная.

Сейчас придут доктора, как пошлёт он к чёрту и нас вместе с ними!

От кого от всех посылаешь Ты мне поцелуи. Княгиня и С. М. будут протестовать против такого решения Твоего – спроси их. Но если так, то и от меня передай всем.

3 часа.

Сейчас в доме мёртвая тишина – перед грозой. Были доктора и все ушли к знакомому А. А. Бруммеру для совещания. После их ухода отец запихал в карман пенсне и сказал, что один из докторов стащил его. Мамаша за это время стала как бы прозрачная и всё плачет, даже и у медика, и у того синяки под глазами. Даже и мне, хотя, как Ты знаешь, мы с отцом не много-то понимали друг друга, но и то делается жутко. Не знаю, на чём-то там порешат. Пришёл отец, стоит сзади меня и спрашивает сестру, кто посылал за докторами и зачем они приезжали. От Бруммера мама с Борей уедут на Сиверскую, Володя же на Волосово, и останемся мы с сестрой последними свидетелями. Хотя из дому уйдём, когда будут помещать, но мне сдаётся, что его не поместят, ибо при докторе он держит себя слишком прилично. Из постоянных приписок Ты видишь, что всё время о Тебе думаю, - Ты обо мне, наверно, реже думаешь!

5 час.

Результат консультации: решили поместить в частную лечебницу Нижегородцева, что на Песках. Помещение должно состояться послезавтра, 30-го. У меня щемит сердце, чую скверное.

Целую Тебя крепко, по-прежнему жду писем. *Твой Н. Р.*

Не забудь – всем соответственные приветы и поклоны.

28 Июня 1900 г.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/158. 5 л.

Н.К. Рерих. Натурщик со шкурой на плече.

«Сегодня много рисовал с натуры. Начал этюд натурщика со шкурой на плече...»

[Около 29 июня 1900 СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Дорогая моя и хорошая!

Брось Ты навсегда мысль, что Ты такая же, как и домашние Твои – выкинь её навсегда; Ты лучше и глубже их, а они тоже хорошие. Сейчас был Куинджи у меня, я ему прочёл некоторые места Твоего письма. Он сказал: “ещё раз благословляю Вашу женитьбу, видно, что Ваша невеста чудный человек. С таким человеком за Вас не страшно, будете работать и вперёд идти”. Ведь хорошо!

У нас беда! Не устраивается помещение отца; придётся его поместить (временно) дома с двумя надзирателями и доктором. Мамаша против – выходит скандал. Дядя чуть ли не собирается всё бросить и уехать.

Меня мамаша оскорбляет: “Тебе бы только уйти в свою проклятую мастерскую”. Сестру то же самое: “Ты точно чужая, не хочешь помочь”. Как же поможешь, когда она сама мешает во всём. Ужасно, ужасно. Мне же ужасно, тем более, что в Воскресенье не придётся выехать к Вам. Лошадей не высылайте, приеду не знаю когда – при первой возможности. На Кавказ лучше бы не ездить, но если уже собрались, то...

Князю скажи мой поклон, спасибо ему за доброе слово, извинись, что не пишу ему, но прямо голова кругом идёт, авось он не рассердится. Разве ему паспорт не нужен?

Милая моя, хорошая, дорогая, неужели до Кавказа не увидимся? - не верю этому. Наверно приеду. Как горд я Твоею любовью, могу всего себя (действительно), всего отдать Тебе. Люби, люби меня, Ладушка, чувство это будет нашим источником вдохновения.

Как болит висок и всему так скверно, что если бы не Ты... Может быть, моё положение и на Тебе отзывается?

Целую Тебя и пожалей меня.

Если я не приеду в Воскресенье, то, быть может, вышлите лошадей в Понедельник к поезду выходящему из СПб. в 10 ½ вечера (почтовому).

Про какое письмо беспокоится князь? Он хотел прислать паспорт для визы, но паспорта я ещё не получил.

Целую Тебя крепко. Н. Р.

Надеюсь в Четверг или Пятницу получить ещё Твоё письмо.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/218, 3 л.

Н.К. Рерих. Возвращение с охоты. 1900-е.